

Категория «отчуждение» в истории классической европейской философии

Блюхер Ф.Н.,
к. филос. н., Институт философии РАН,
руководитель сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук, в. н. с.,
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
obluher@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются две истории происхождения категории «отчуждение». Выявляются интеллектуальные причины возникновения этого концепта. Описывается понятийный ряд, в котором категория «отчуждение» получает инструментальный смысл. Демонстрируется материалистическое и идеалистическое применение этой категории. На примере философии К. Маркса показывается применение категории отчуждения продукта, природы и чувственности «родового человека». Раскрываются недостатки обеих концепций категории «отчуждение».

Ключевые слова: категория, отчуждение, философия, марксизм, искусство.

Что для меня означают философские категории? Это интеллектуальный инструмент, который помогает при решении задач. Категория «отчуждение» — ровно такой же инструмент, а это означает, что у нее должен быть автор. Но сам поиск этого автора превращается в интеллектуальную задачу.

Александр Павлович считает, что начало применения этого инструмента относится к работам Гоббса и Руссо [Огурцов, 2024, с. 48–54]. С этим трудно не согласиться, потому что «Левиафан» Гоббса и критика современных ему нравов у Руссо являются результатами работы с категорией «отчуждение». С другой стороны, обучаясь в Германии в 1991 г., в книге, посвященной исследованию этой категории, я прочел статью Ю Бохеньского, который утверждал, что первым эту категорию применил Фихте. Наше исследование мы начнем с этого заочного спора двух авторитетных философов XX века.

Для Гоббса и Руссо важно, что вновь возникшее состояние общества существенно отлично от предшествующего. Для обоих «отчуждение» — естественная причина появления нового института. Старое же состояние обозначается как «естественное состояние человека», которое приходится мысленно конструировать, что, безусловно, — и Александр Павлович это подтверждает, — антиисторическая процедура.

Для Фихте проблема, для которой ему понадобилась категория «отчуждение», — снятие противоречия «Критики чистого разума» и «Критики практического разума». Как примирить «трансцендентальное единство апперцепций» и «свободу воли», создающую правила категорического императива? Эта задача решается тем, что в человеческом разуме находится структура, совмещающая логику схватывания разнородных феноменов в некое понятийное единство и волю, формирующую правила необходимости соответствующего поступка, — самосознание, *Ichheit*, объединяющая «Я» и «не Я». Именно в самосознании человека происходит процесс отчуждения (*Entausserung*), когда человек, осознавая себя как внешнее для сознания существо, конструирует правила, необходимые для поведения каждого, включая самого себя. В самосознании принципиально важно соотнесение внутреннего и внешнего, в терминологии Фихте — активного Я и Я-объекта, в едином процессе. Ровно ту же мысль повторяет Гегель в «Энциклопедии философских наук»: «Самосознание через снятие субъективности и внешнего предмета (*речь идет о любом желании сознания. — Прим. авт.*) подвергло отрицанию свою собственную непосредственность, точку зрения выделения, точку зрения вожделения, — посредством определения инобытия противопоставило себя самому себе, *другое* наполнило своим «я», из чего-то *бессамостного* сделало его *свободным и самостным* объектом, некоторым *другим* «я», — тем самым противопоставило себя самому себе в качестве *различенного от себя* «я», но именно этим и возвысилось над себялюбием только разрушающегося вожделения» [Гегель, 1977, с. 239–240]. Отсюда можно сделать вывод: для разговора об отчуждении важен целостный процесс, где есть некоторые внешние проявления, которые мы можем сделать своими.

Попробуем проиллюстрировать разницу обеих концепций «отчуждения» на примере мышления наших современников.

В первом случае, если мы фиксируем отчуждение как результат определенного состояния общества, то нашей задачей становится конструирование «естественного состояния» общества, которое предшествует отчуждению. Например, если социализм есть результат отчуждения прав собственности, то рынок — естественное состояние общества, следовательно, необходимо его восстановить, а далее «он сам все решит». К сожалению, такой подход не привел к восстановлению в стране «цивилизованных рыночных отношений». Сегодня мы видим подобные идеи в размышлении о том, что, если современное состояние государства можно считать результатом отчуждения нравственных начал, то возвращение к православию и соборности XVII века — естественное состояние вещей.

Если мы используем фихтеанско-гегелевскую концепцию отчуждения, то сначала нам нужно отыскать предмет, на котором принцип отчуждения работает. Например, мы хотим сказать, что в России гражданское общество отчуждено от государства. С точки зрения пространственно-временных границ фраза верна. Гражданское общество возникает в государстве, ведь граждане — люди, имеющие государственный паспорт. Но, если мы рассматриваем взаимодействие государства и гражданского общества, ту самую целостность, о которой говорят немецкие философы, то нам еще нужно доказать, что гражданское общество является необходимым элементом государства. Это нетривиальная задача, потому

что государство может элементарно обходиться без гражданского общества, для успешного функционирования ему достаточно граждан, которые входят в производящие сообщества.

Когда Маркс создавал свою концепцию отчуждения (*Entfremdung*), в качестве субстанции общественного развития он сконструировал понятие «всеобщего труда», соответственно, субъектом этого развития стал «родовой человек». Безусловно, это идеализированное понятие, потому что никакого единичного «родового человека» не существует. Чтобы оставаться ученым, т. е. материалистом, Маркс при помощи концепции отчуждения, которое проходит три стадии — продукта, природы и чувственности, — пытается объяснить, как в капиталистическом обществе возникают антагонистические противоречия, которые приводят его к неизбежным изменениям.

С отчуждением продукта труда все более или менее ясно. Производство рабочим продукта делает капиталиста сильнее, потому что продукт принадлежит капиталисту. Чем больше произведет рабочий, тем более сильным станет капиталист. Но если речь идет о понятии «родового человека», в котором отсутствует деление на капиталистов и рабочих, то необходимо показать целостность, в которой капиталисты и рабочие существуют непрерывно, именно поэтому речь у Маркса начинает идти о машинном производстве, а не о производстве мануфактурном. При мануфактурном производстве происходит торговля излишками, которые может произвести работающий на заказ работник, поэтому капиталист, выступающий как представитель торгового капитала, в известной степени зависит от конъюнктуры и интенсивности труда рабочего. При машинном возникает экономика, которая специально производит излишки в промышленном масштабе, что позволяет снизить цены при их продаже. Мануфактурная экономика разоряется, и большинство рабочих, даже переходя в статус владельца небольшой собственности (лавки, кафе, отеля и т. п.), начинают зависеть от тех цен, которые крупный капиталист устанавливает на свои товары.

Отчуждение природы человека непосредственно связано с «родовым человеком». Для Маркса именно возникновение производящего хозяйства создало тот социум, который смог из варварства перейти в современное цивилизованное состояние и, в конечном счете, создать современную культурную личность. Переход к обществу потребления отдаляет человека от его производящей сущности, т. е. от природы.

Самое сложное — отчуждение чувственности. Именно здесь находится тот узловой пункт, который отделяет материализм от идеализма и, следовательно, науку от идеологии. Если мы говорим о чувственности, то «родовой человек» должен не только иметь социальную природу и участвовать как субъект в разделении труда, но и представлять некую целостность, которой доступны одни и те же ощущения. Это глубоко религиозная идея, которая покоится на представлении, что людей создал Бог, следовательно, по рождению все люди одинаковы, и их можно представить как единое человечество. А уже отсюда с неизбежностью вытекает, что в силу божественного происхождения одинаковыми правами наделены все люди земли, и за соблюдение этих прав нужно бороться с теми, кто эти права узурпирует. В научном изводе эта мысль подтверждена авторитетом Канта, у которого

пространство и время выступают как категории трансцендентальной эстетики, следовательно, они не изменяются и даны человеку априори от рождения.

Маркс объясняет отчуждение чувственности как форму капиталистического отчуждения труда. Имущие классы концентрируют деньги и капитал на одной стороне общественной жизни и создают возможность для художника творить «искусство ради искусства». Поэтому для потребления богатых создается высокое искусство (классическая музыка, живопись, театр), а народу остаются другие виды художественной деятельности, низкое, народное искусство (частушки, хороводы, художественные промыслы). Отчуждаются не чувства, а люди друг от друга, потому что они не могут переживать одни и те же ощущения, потребляя произведения искусства.

Однако идеалистическая диалектика фихтеанско-гегелевского толка может предложить и другой ответ. Данное противоречие разрешается, если сконструировать целостность, объединяющую чувственные переживания больших масс людей. Например, массовое искусство XX века: рок, кино, реклама, в каком-то смысле современная урбанистика, городское искусство. Однако нужно признать, что оно возникло не из элитарного искусства XIX столетия, а из народного городского искусства и всеобщего полного школьного образования, которое получают практически все граждане. Образование организовано государством, и в качестве образца русской литературы взята дворянская литература прошлого столетия. «Дворянская литература XIX века стала русской классической литературой, дворянская модель образования определила господствующие идеи русской, а затем и советской педагогики... Попытки просветить и цивилизовать народ всегда означали приобщение его к дворянским стандартам» [Кравецкий, 2021, с. 28]. В качестве примера можно привести отсылку к одному и тому же чувству — «человеческому достоинству», которое, несомненно, ассоциируется со стандартами дворянской чести в работах В.С. Библера и в воззвании к народу деятелей ГКЧП.

Для чего нам нужна категория «отчуждение»? Для объяснения возникновения такого нового состояния общества — продукта человеческой деятельности, — которое противостоит человеку и заставляет его считаться с собой как с внешней для него силой. У нас есть два примера использования этой категории: гоббсовско-руссоеистское и фихтеанско-гегелевское; в первом случае мы вынуждены конструировать первоначальное «естественное состояние», во втором — конструировать такую «целостность» изучаемого предмета, при которой изменение одних параметров системы с необходимостью приводило бы к изменению других параметров. В обоих случаях мы имеем дело с интеллектуальными конструкциями, которые без обращения к научным данным могут ограничивать наши фантазии философскими спекуляциями. Тем не менее можно предположить, что первый путь доступен любому поэту или мифотворцу в силу того, что он не предполагает ограничения для самых смелых фантазий, в то время как второй должен сначала решить задачу зависимости качественных изменений предмета от его количественных параметров. Задачу, которую ставит перед собой не столько поэт, сколько ученый, видимо, поэтому Александр Павлович Огурцов выбрал для себя такую специализацию, как методология науки.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 472 с.
2. Кравецкий А.Г. В поисках актуального прошлого. М.: Гранат, 2021. 416 с.
3. Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия и практика. М.: Голос, 2024. 426 с.

References

1. G.W.F. Hegel. *Gesammelte Werke* / Hrsg. im Auftrag der Deutschen Forschungsgemeinschaft. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2000. Bd. 13.
2. Kravetskiy A.G. *V poiskakh aktual'nogo proshlogo*. M.: Granat, 2021. 416 p. (In Russian.)
3. Ogurcov A.P. *Otčuzhdenie, refleksiâ i praktika*. M.: Golos, 2024. 426 p. (In Russian.)

The category of “alienation” in the history of classical European philosophy

Blucher F.N.,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Head of the Sector of Philosophical Problems of Social and Humanitarian Sciences,
Leading Researcher
obluher@gmail.com

Abstract: The article examines two histories of the origin of the category of "alienation". It identifies the intellectual reasons for the emergence of this concept. It describes the conceptual series in which the category of "alienation" receives an instrumental meaning. It demonstrates the materialistic and idealistic application of this category. Using the example of K. Marx's philosophy, it shows the application of the category of alienation of the product, nature and sensuality of the "generic man". The shortcomings of both concepts of the category of "alienation" are revealed.

Keywords: category, alienation, philosophy, Marxism, art.